

УДК 811.521

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.10

Н.Г. Румак

К вопросу о лексикографическом описании ономатопоэтических слов японского языка

В статье рассматриваются некоторые проблемы лексикографического описания ономатопоэтических слов японского языка. Освещается вопрос предположительной несамостоятельности значения этих единиц, сложность структуры значения ономатопоэтических слов и их многозначность. Представлены также различные подходы к описанию значений ономатопоэтических слов, выражающих эмоции.

Ключевые слова: японский язык; ономатопоэтическая лексика; лексикография.

Ономатопея (звукоподражание) и звукоимитация определяются как закономерная, произвольная, фонетическая мотивированная связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым или незвуковым признаком соответственно [3]. Мы определяем ономатопоэтические единицы японского языка (*гионго* — звукоподражательные слова и *гитайго* — звукоизобразительные слова) как лексемы, непосредственно передающие звуки живой и неживой природы, физические и эмоциональные ощущения, описывающие действия и состояния предметов.

Семантическим и структурным классификациям японских ономатопоэтических слов, описанию их функций и т. д. посвящены исследования японских, российских и западных лингвистов. Кроме этого, издано довольно много словарей ономатопоэтических слов, как толковых, так и двуязычных. Одним из наиболее логично организованных словарей является *Giongo-gitago tsukaikata jiten* [12]. В расположенных в алфавитном порядке словарных статьях определяется семантическая категория единицы (звукоподражание, наречие образа действия, наречие степени), описываются ее значения, перечисляются глаголы, с которыми сочетается эта единица, и дается некоторое количество примеров употребления.

По образцу [12] был создан двуязычный словарь Н.Г. Румак и О.П. Зотовой [13], который, по классификации Н.А. Нечаевой [4], относится к лингвистическим лексико-семантическим частным словарям. Поскольку издание содержит толкования значений ономатопоэтических слов, то, на наш взгляд, он не является чисто переводным. Во время работы над рукописью перед авторами встали некоторые проблемы лексикографического описания ономатопоэтических единиц: связанность их значения, полисемичность, разные подходы к толкованию ономатопоэтических лексем. В этой связи представляется

целесообразным при составлении словарных статей для оноματοпоэтических слов японского языка принимать во внимание особенности именно этого слоя лексики.

Некоторые лингвисты считают, что японские оноματοпоэтические слова не обладают собственным лексическим значением, а приобретают или реализуют значение только в устойчивых словосочетаниях [2]. Как и любые другие наречия (в работе С.А. Быковой [Там же] рассматриваются в первую очередь именно оноματοпоэтические слова — наречия), оноματοпоэтические единицы не употребляются в предложении обособленно. Правила японской грамматики не позволяют употребить отдельно, например, наречие *такусан* «много»: нельзя сказать *хана-га такусан да*, но только *хана-га такусан ару* «цветов много (есть)»; подобным образом не может быть употреблено отдельно оноματοпоэтическое слово — наречие, например, *этиэти*: нельзя сказать *кодомо-га этиэти да*, но *кодомо-га этиэти аруку* «ребенок ковыляет».

Сочетаемость оноματοпоэтических единиц с глаголами действительно ограничена: «...Оноματοпоэтические слова *пикапика*, *гэссори*, *бирибири* в разных устойчивых словосочетаниях могут означать “очень”, “сильно”, т. е. высшую степень того или иного действия. Но для того, чтобы глагол *ясэру* “худеть” приобрел дополнительную сему “очень”, он должен быть употреблен в сочетании со словом *гэссори*... глагол *хикару* “сверкать” — с *пикапика*...» [Там же: с. 23]. На наш взгляд, такая сочетаемость доказывает, что основные семы упомянутых оноματοпоэтических единиц совпадают с основными семами связанных с ними глаголов, но вовсе не говорит о полном отсутствии собственного значения у этих единиц.

Позволим себе утверждать, что С.А. Быкова [2] рассматривает два вида оноματοпоэтических словосочетаний — детерминированные и комплементарные, по определению, представленному у Х. Какехи [10]. Оноματοпоэтические единицы — члены детерминированных сочетаний совпадают в своем основном значении с главным словом — глаголом, но имеют и дополнительные семы, сужающие значение глагола. Члены комплементарных сочетаний полностью совпадают с глаголом в основных элементах значения, добавляя к значению словосочетания лишь семы образности, интенсивности и др., поэтому могут заменить глагол, с которым они связаны. В результате оноματοпоэтические слова этой категории могут использоваться либо с вербализатором *-суру* вместо обычно сочетающегося с ними глагола, либо самостоятельно, например, в рекламных текстах, заголовках газет и т. п. [Там же]. Автономные словосочетания подразумевают возможность употребления оноματοпоэтических слов практически с любыми глаголами.

Отметим, что большинство словарей оноματοпоэтической лексики (в том числе [12]) приводят в словарных статьях глаголы, сочетающиеся с соответствующими оноματοпоэтическими словами, а также иллюстрируют употребление звукоподражаний *гисэйго* и звукоизобразительных слов *гитайго* большим количеством примеров. Таким образом, проблема несамостоятельности

значения или, вернее, ограниченной сочетаемости оноματοпоэтических единиц решается на уровне организации словарных статей.

Подавляющее большинство оноματοпоэтических единиц являются многозначными [6], при этом их значения демонстрируют регулярность в развитии от конкретных (звукоподражание; образ или состояние) к более абстрактным (движения или действия, ощущения и эмоции) путем метафорического или метонимического переноса. Поскольку наиболее конкретные значения данных лексем, видимо, первичны, логичным представляется располагать значения именно в этом порядке, однако некоторые затруднения вызывают «ветвящиеся» значения.

При анализе многозначных слов в толковом двуязычном словаре [13] выявлен ряд единиц, имеющих несколько значений одного уровня конкретности (например, звукоподражаний: *пинпин* — звук энергичного отскакивания; вибрирующий в воздухе звук, голос, *буцубуцу* — звук неоднократного разрезания, протыкания; невнятное бормотание), которые далее развиваются по общим парадигмам. Подобных примеров не очень много, поэтому критерии определения порядка описания их значений предпочтительно оговаривать в предисловии к словарю. Другой вариант — разноуровневая нумерация в тех случаях, когда это релевантно для пользователей: значения, развивающиеся параллельно, могут получать нумерацию по порядку (1, 2 и т. д.), а их ответвления — нумерацию подуровней (1.1, 1.2, 2.1, 2.2 и т. д.).

Однако сложность в употреблении оноματοпоэтических единиц не исчерпывается существованием у них нескольких значений. Некоторые исследователи указывают на одновременную актуализацию в одной единице разных значений [9: с. 45–47], что позволяет употреблять оноματοпоэтические единицы, в частности, в поэзии, создавая богатые ассоциативные ряды. В этом случае, очевидно, задача лексикографического описания — как можно точнее указать все элементы значения (семы), которые могут реализоваться в том или ином контексте. Для этого необходимо разработать критерии выделения релевантных для описания компонентов значения единицы: соотнесенность со звуком или образом, движением или состоянием, тактильным, аудиальным или визуальным восприятием и т. д., например на основании семантических категорий, предложенных в работе С. В. Чиронова [7]. Для каждой категории, кроме самых общих (интенсивность, положительное/отрицательное восприятие и т. п.), могут существовать свои наборы сем: направление, скорость, частота, количество и т. д.

Московская семантическая школа принципиально отказывается от разложения значения лексической единицы на компоненты (семы) и выделения интегральных и дифференциальных сем [1: с. 467]. Вместо этого Ю.Д. Апресян предлагает метафорическое описание эмоций [Там же, с. 459], к которым (в широком смысле слова), безусловно, относятся оноματοпоэтические единицы. Считая вслед за Ю.Д. Апресяном, что предметом описания этого класса лексики является наивная¹ картина мира, мы полагаем допустимым рассматривать

¹ Подробнее об отличиях наивной и научной картины мира см.: [3].

ономатопозэтические единицы в рамках выделяемых для них семи систем восприятия, «из функционирования и взаимодействия которых складывается поведение человека»: собственно восприятия, осуществляемого органами тела, физиологии (ощущений тела в целом), моторики (действий частей тела), желаний (проявлений воли), интеллекта (работы ума), собственно эмоций (чувств души), речи (акта говорения) [1: с. 459].

Такой подход становится применимым, в частности, благодаря описанной ранее способности ономатопозэтических слов не только сочетать в одной единице разные значения (это свойство мы обнаруживаем и в других многозначных словах), но и актуализировать их одновременно, распределяя значения от наиболее конкретных (восприятие) до наиболее абстрактных (интеллект и эмоции). В то же время одновременная актуализация разных значений полисемичной единицы лишает исследователя возможности описывать ономатопозэтические единицы метафорически, поскольку эта метафоричность изначально заложена в значении полисемичных ономатопозэтических лексем.

Существует еще один подход к лексикографическому описанию ономатопозэтических единиц: описание значения с использованием набора семантических примитивов [11]. Такие наборы разработаны для разных языков, в том числе для японского, хотя универсальный естественный семантический метаязык (ЕСМ) считается независимым от языка использования (*language independent*). Подобное описание для японских ономатопозэтических слов, обозначающих боль или различные эмоции, предлагается, например, в работах Ю. Асано-Кавана и Р. Хасада [8, 9].

Японский лингвист Р. Хасада, поясняя с помощью ЕСМ ономатопозэтические единицы, выражающие моментальные или более длительные эмоциональные состояния, использует описания физических ощущений, подобно тому как Ю.Д. Апресян предлагает «ввести в состав толкования сравнения типа “душа человека при эмоции X чувствует нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда оно находится под действием физического фактора Y или в физическом состоянии Y”» [1: с. 461]. Так, одним из элементов толкования единицы *kat* служит следующий: «Этот человек чувствует себя, как кто-то, кто думает так: “Я сейчас нахожусь в очень жарком месте”» [9: с. 79], а толкование *мукат* содержит такое описание: «Этот человек чувствует себя, как кто-то, кто думает так: “Что-то очень плохое в моем желудке выйдет наружу сейчас”» [Там же: с. 83]. Из рассмотренных в книге Р. Хасада [9] двадцати трех ономатопозэтических единиц одиннадцать обозначают непосредственные аудиальные, визуальные или тактильные ощущения.

То же явление отмечает Ю. Асано-Кавана: все шесть рассмотренных в ее работе ономатопозэтических единиц, описывающих боль, передают метафорическое значение ощущения какого-то движения внутри части тела или соприкосновения с этой частью тела [8].

В словаре [13] мы обнаруживаем, что второе (после звукоподражания) значение единицы *kat* — «состояние, при котором интенсивно ощущаются

солнечный свет или жар; резкое ощущение сильного жара внутри тела» [13: с. 50]; а первое значение единицы *мукат* — это «плохое самочувствие, тошнота» [Там же: с. 450]. Единица *кирикири* имеет два значения: «продолжительная острая боль, как от ввинчивания сверла» и «вращение» [Там же: с. 94], а *тикутику* — значения «физическая или душевная боль, как от неоднократных уколов иглой» и «мелкие неоднократные уколы острым предметом» [Там же: с. 238]. Можно предположить, что, по крайней мере, в некоторых случаях более абстрактное значение (эмоциональное состояние) не только развивается из более конкретного (физическое ощущение) путем метафорического или метонимического переноса, но и сохраняет в себе эту метафору в качестве одного из элементов значения и, следовательно, не может быть описано иным способом, кроме как через метафору. Этот тезис требует дальнейшего изучения, в том числе для обнаружения зависимости между вероятностью сохранения метафоры и степенью конкретности ощущений, которым уподобляется описываемая эмоция.

Таким образом, мы считаем необходимым при дальнейшей работе со словарями оноματοпоэтических единиц и составлении их лексикографического описания уделять большое внимание рассмотренным нами проблемам:

1. Для указания на связанность значения оноματοпоэтического слова необходимо приводить те единицы (глаголы), с которыми это слово употребляется в устойчивых словосочетаниях.

2. При описании значений полисемичных оноματοпоэтических единиц предпочтительно располагать значения от конкретных к более абстрактным. При ветвлении значений можно предложить разноуровневую нумерацию.

3. При толковании значений оноματοпоэтических слов, выражающих эмоциональные состояния, представляется целесообразным опираться на метафору физического состояния или ощущения человека, который испытывает описываемую эмоцию.

Библиографический список

Литература

1. Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Избр. тр. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 453–465.
2. Быкова С.А. Устойчивые словосочетания в современном японском языке. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1985. 63 с.
3. Воронин С.В. Звукоподражание. Звукосимволизм // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Рос. энцикл., 2003. С. 165–166.
4. Нечаева Н.А. Языковая картина мира: наивная и научная // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 2 (22). С. 70–77.
5. Осипова Л.И. О типах лингвистических словарей // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 37–46.

6. Румак Н.Г. Полисемичные ономатопозитические слова в японском языке // Вестник Московск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2017. № 4. С. 20–28.

7. Чиронов С.В. Об основных содержательных характеристиках формальной структуры японских ономатопов // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2004. № 2. С. 64–81.

8. *Asano-Cavanagh Yu.* Japanese interpretations of «pain» and the use of psychomimes // *International Journal of Language and Culture*, Volume 1, Issue 2. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 2014. P. 216–238.

9. *Hasada R.* The semantic aspects of onomatopoeia: focusing on Japanese psychomimes. Australia. 1994. 163 p.

10. *Takehi H.* Ippan Goi to natta Onomatope // *Gengo*, № 6, vol. 22. Tokyo. 1993. P. 38–45.

11. *Wierzbicka A.* Universal Semantic Primitives as a Basis for Lexical Semantics // *Folia Linguistica*. Amsterdam. De Gruyter Mouton. 1995. 29 (1). P. 149–169.

Справочные и информационные издания

12. *Atoda T., Hoshino K.* Giongo-gitaigo tsukaikata jiten, 2nd ed. Tokyo: Sotakusha. 1995.

13. Румак Н.Г., Зотова О.П. Толковый японско-русский словарь ономатопозитических слов. М.: Моногратари, 2012. 496 с.

References

Literatura

1. *Apresyan Yu.D.* Metafora v semanticheskom predstavlenii e'mocij / Izbr. tr. M.: Shkola «Yazy'ki russkoj kultury'», 1995. T. 2: Integral'noe opisanie yazy'ka i sistemnaya leksikografiya. S. 453–465.

2. *By'kova S.A.* Ustojchivye slovosochetaniya v sovremennom yaponskom yazy'ke. M.: Izd-vo Moskovsk. un-ta, 1985. 63 s.

3. *Voronin S.V.* Zvukopodrazhanie. Zvukosimvolizm // *Yazy'koznanie. Bol'shoj e'nciklopedicheskij slovar' / pod red. V.N. Yarcevoj.* M.: Bol'shaya Ros. e'ncikl., 1998. P. 165–166.

4. *Nechaeva N.A.* Yazy'kovaya kartina mira: naivnaya i nauchnaya // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2016. № 2 (22). S. 70–77.

5. *Osipova L.I.* O tipax lingvisticheskix slovarej // *Vestnik MGPU Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2014. № 2 (14). S. 37–46.

6. *Rumak N.G.* Polisemichny'e onomatopoe'ticheskie slova v yaponskom yazy'ke // *Vestnik Moskovsk. un-ta. Ser. 13. Vostokovedenie.* 2017. № 4. S. 20–28.

7. *Chironov S.V.* Ob osnovny'x sodержatel'ny'x karakteristikah formal'noj struktury' yaponskix onomatopov // *Vestnik Moskovsk. un-ta. Ser. 13. Vostokovedenie.* 2004. № 2. S. 64–81.

8. *Asano-Cavanagh Yu.* Japanese interpretations of «pain» and the use of psychomimes // *International Journal of Language and Culture*, Volume 1, Issue 2. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 2014. P. 216–238.

9. *Hasada R.* The semantic aspects of onomatopoeia: focusing on Japanese psychomimes. Australia. 1994. 163 p.

10. *Takehi H.* Ippan Goi to natta Onomatope // *Gengo*, № 6, vol. 22. Tokyo. 1993. P. 38–45.

11. *Wierzbicka A.* Universal Semantic Primitives as a Basis for Lexical Semantics // *Folia Linguistica*. Amsterdam. De Gruyter Mouton. 1995. 29 (1). P. 149–169.

Spravochny'e i informatsionny'e izdaniya

12. *Atoda T., Hoshino K.* Giongo-gitaigo tsukaikata jiten, 2nd ed. Tokyo: Sotakusha. 1995.
13. *Rumak N.G., Zotova O.P.* Tolkovy'j yaponsko-russkij slovar' onomatopoe'ticheskix slov. M.: Monogatari, 2012. 496 s.

N.G. Rumak

Lexicographic Description of Japanese Onomatopoeic Words

The article briefly reviews certain problems in lexicographic description of onomatopoeic words in the Japanese language, connected with supposed dependence of their meaning, complex semantic structure of meaning, their polysemy and different approaches to description of the meaning of words expressing emotions.

Keywords: Japanese language; onomatopoeic words; lexicography.